

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

<i>Е.О. Опарина.</i> Трансформационные процессы в культуре и их выражение в языке	5
---	---

1. ЗНАКИ КУЛЬТУРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>Е.Р. Иоанесян.</i> СВОБОДА в языковой картине мира	9
<i>М.Л. Ковшиова.</i> Онимы как носители стереотипных представлений: (На материале русских паремий и идиом)	25
<i>П.С. Дронов.</i> Особенности употребления идиом, принадлежащих к семантическому полю ПЕЧАЛЬ	43

2. ДИСКУРСЫ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА В НАШЕ ВРЕМЯ

<i>В.И. Карасик.</i> Осмысление приватности и публичности в эпоху глобализации	50
<i>Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова.</i> Этничность как конфликтогенный фактор: (На материале сетевых коммуникаций)	66
<i>А.В. Нагорная.</i> Дискурсивное конструирование феноменов старости и старения: Опыт англоязычных стран	77

3. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ И ОПЫТ

<i>Н.М. Нестерова.</i> «Свое / чужое» в переводе	89
<i>Т.Н. Красавченко.</i> Литературный перевод как средство межкультурной коммуникации: Русская классика в Великобритании и США	102
<i>М.Б. Раренко.</i> К вопросу о переводе И.А. Буниным поэмы «Песнь о Гайавате» и стихотворения «Псалом жизни» Г.У. Лонгфелло	121

4. ЗНАКИ КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И СПОСОБЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

<i>И.В. Зыкова.</i> О статусе и специфике зоны межъязыкового перевода в микроструктуре словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда».....	135
<i>Е.О. Опарина.</i> Взаимодействие «своей» и «чужой» культур в интерпретации художественного текста: Опыт изображения негативного контакта: (На примере фильма А. Кайдановского «Жена керосинщика»).....	158

5. ОБЗОР. РЕФЕРАТ

<i>Е.О. Опарина.</i> Личность – культура – дискурс. Обзор.....	173
Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии: Коллективная монография. Реферат. (Автор реф. <i>М.И. Куосе</i>).....	183

ВВЕДЕНИЕ

Е.О. Опарина

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЛЬТУРЕ И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Тема, вынесенная в заглавие сборника, представляет собой один из важных разделов антропологического направления в современной лингвистике. Межкультурная коммуникация, ставшая особенно интенсивной в наше время, которое характеризуют как эпоху глобализации, во многом определяет и ускоряет трансформационные процессы в духовной и материальной культурах носителей разных языков. Множество условий современной действительности способствуют изменениям в системах представлений и ценностей человека, что неизбежно проявляется в языке и в его функционировании. Среди таких факторов – резко возросшая роль массмедиа; усиленная миграция, вызванная различными причинами; включение в межкультурную коммуникацию широких групп населения; развитие билингвизма и полилингвизма; изменение среды жизни (например, поликультурная среда многих современных городов).

Интенсивный динамизм культуры в наше время ведет к пересмотру того, что традиционно квалифицируется в соответствии с привычной оппозицией «свое» vs «чужое». Традиционное «свое» подвергается изменениям под влиянием новых социальных условий и инокультурного воздействия. Так, например, изменилась оценка понятий 'амбициозность' / 'амбициозный' в современной русской культуре. «Чужое», трансформируясь и адаптируясь в новой культурно-языковой ситуации, может стать своим. Общество-политические и научные понятия и их языковые обозначения распространяются по миру, становясь универсальными. Пример – англоязычная политическая и экономическая терминология, а также язык массмедиа.

Поэтому в наше время важно понимать как специфику традиций и культурных стереотипов, которыми руководствуются носители разных языков и культур, так и тот культурный фонд, который является или становится для них общим. Именно это соображение обусловило представленный в сборнике ракурс лингвокультурологической тематики.

Теоретическим основанием данного сборника, при определенных различиях в подходах авторов к исследуемым вопросам, является убеждение в том, что язык и культура представляют собой две самостоятельные, но тесно связанные сферы жизнедеятельности человека.

Тема динамичного взаимодействия языков и культур имеет множество граней. Разумеется, в пределах одного сборника невозможно представить данную тематику сколько-нибудь полно. Однако авторы стремятся отразить ее разнообразие.

Одна из ключевых тем лингвокультурологии – способы воплощения знаков культуры в семантике языковых единиц и условия семантических и концептуальных изменений. Е.Р. Иоанесян анализирует развитие значений слов, выражающих понятие СВОБОДЫ в ряде европейских языков. Концептуальные связи устанавливаются автором на основе закономерностей семантической деривации соответствующих лексем. В статье М.Л. Ковшовой объектом исследования являются антропонимы, репрезентирующие стереотипные представления носителей языка в русских паремиях и идиомах. В центре внимания автора – жанр загадки и особенности стереотипизации имен собственных в этом жанре. В статье П.С. Дронова, также посвященной лингвокультурологическим особенностям фразеологизмов, исследуется специфика употребления и модификации русских идиом, выражающих понятие ПЕЧАЛИ. Данное семантическое поле, выражающее эмоцию, имеет культурную специфику; при этом устанавливается зависимость лексико-грамматических изменений идиом не только от их семантики, но и от ситуации общения.

В ряде статей исследуются особенности коммуникативного поведения современного человека, связанные с динамическими процессами в культуре, и их отображение в дискурсах. В работе Н.В. Уфимцевой и О.В. Балясниковой в центре внимания – конфликтный характер общения в интернет-среде, а именно агрессия, вызванная упоминанием этнической принадлежности. В.И. Карасик анализирует трансформации в оценке понятий «приватность» и «публичность» в российской культуре

и соответствующие изменения в поведении россиян. В статье А.В. Нагорной изучается характерный для англоязычной культуры «дискурс старения». Устанавливается связь языковых изменений в данной сфере с трансформацией социальных стереотипов в последнее десятилетие. Автор высказывает предположение о возможном переносе англоязычного опыта в русскую культуру, в которой привычные установки и стереотипы также подвергаются изменениям.

Ряд статей посвящен такому важному вопросу межкультурной коммуникации, как межъязыковой литературный перевод. В этой области особенно ярко проявляется сложное взаимодействие «своего» и «чужого», в котором на системную и культурную специфику естественных языков накладываются особенности авторской индивидуальности. В работах Н.М. Нестеровой, Т.Н. Красавченко и М.Б. Раренко анализируются общетеоретические аспекты перевода. Авторы также осмысливают опыт перевода русской классической литературы на английский язык и англоязычной – на русский.

Сборник представляет и такой аспект лингвокультурологии, как изучение взаимоотношений между вербальным языком и невербальным художественным образом. В статье И.В. Зыковой данный круг тем представлен в связи с созданием авторского словаря «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)». Исследуются вопросы, относящиеся к формированию особой зоны межъязыкового перевода в структуре данного словаря. В частности, анализируются отношения между вербальным и невербальными типами идиоматики и возможности их лексикографической экспликации. Одной из сложных знаковых систем, включающих в себя как вербальный, так и невербальные языки, является кино. В статье Е.О. Опариной анализируются слои культурной информации, создающие образную конструкцию одного из художественных фильмов. Показано, что адекватное понимание глубинного смысла фильма требует культурной компетенции в области универсальных знаков культуры – мифологем и символов.

В сборнике также помещены обзор и реферат. В обзоре (автор Е.О. Опарина) на материале ряда статей и монографии рассматриваются изменения, затрагивающие традиционные дихотомии «свое» – «чужое» и «старое» – «новое» в языках и дискурсах. Также, на примере языка знаменитых представителей британского консерватизма (У. Черчилля и М. Тэтчер), исследуются отношения между отдельной языковой личностью и языковым коллективом.

Теория культурного трансфера чрезвычайно важна для разных областей современного гуманитарного знания. Она имеет прямое отношение к теме сборника, так как нацелена на исследование закономерностей переноса культурных знаний, смыслов и объектов между разными культурами и дискурсами. В сборнике представлен реферат на коллективную монографию «Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии» (автор реферата – М.И. Киосе).

Сборник предназначен для специалистов в области лингвистики, филологии, культурологии и в других областях гуманитарного знания.

1. ЗНАКИ КУЛЬТУРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Е.Р. Иоанесян

*доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Сектора романских языков,
Институт языкознания, Российская академия наук
ioanevg@mail.ru*

СВОБОДА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Свобода – очень емкое и сложное понятие, и представление о свободе в картине мира разных языков имеет свою специфику. В работе исследуется фрагмент языковой картины мира нескольких европейских языков, связанный с понятием свободы в двух ее аспектах – свободы как возможности делать то, что хочешь, и свободы как отсутствия ограничений, накладываемых на движения человека. Описание строится с помощью инвентаря семантических переходов. На основании изучения семантической деривации соответствующих лексических единиц делается вывод о наличии в картине мира этих языков следующих связей: «свобода – благоприятная ситуация», «отсутствие свободы – опасная / негативная ситуация», «свобода – смелость (отсутствие страха)», «отсутствие свободы – страх». Исследование опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей.

Ключевые слова: лексическая семантика; языковая картина мира; семантическая деривация; семантическая типология.

E.R. Ioanesyan
*Doctor of Philology, Leading researcher,
Section of Romance languages,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
ioanevg@mail.ru*

FREEDOM IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Abstract. Being definitely complex and capacious, the concept of freedom proves to be language-specific within a given linguistic world-image. The article studies a fragment of the picture of the world in several European languages concerning the notion of freedom in two aspects – freedom of action and freedom of movement. The description is constructed using the inventory of semantic shifts. The study of semantic derivation of corresponding lexical items makes it possible to arrive at the conclusion that in the picture of the world of several languages there are links as follows: «freedom – favorable situation», «absence of freedom – dangerous / negative situation», «freedom – courage», «absence of freedom – fear». The research is based on a large corpus of explanatory and etymological dictionaries.

Keywords: lexical semantics; language picture of the world; semantic derivation; semantic typology.

Вводные замечания

Наша задача состояла в изучении одного фрагмента языковой картины мира, связанного с понятием свободы в двух ее аспектах – свободы как возможности делать то, что хочешь, и свободы как отсутствия ограничений, накладываемых на движения и действия человека. Наш анализ, построенный на исследовании семантической деривации слов, относящихся к концептам СВОБОДА / НЕСВОБОДА, показал, что свобода, понимаемая как возможность контролировать ход событий, ассоциируется с благоприятными ситуациями, со смелостью. Несвобода же осознается как бессилие и ассоциируется с негативными и опасными ситуациями, несвобода продуцирует страх. Близость концептов НЕПРИЯТНОСТИ и НЕСВОБОДА (ОТСУТСТВИЕ СВОБОДЫ) отмечается в работе [Баранов, Добровольский, 2008, с. 483].

Данная статья обобщает и систематизирует материал, представленный в наших ранних работах [Иоанесян, 2015; Иоанесян, 2018].

Основные положения

Итак, в качестве метода исследования мы выбрали анализ семантических переходов ‘X’ – ‘свобода’ / ‘определенный аспект свободы’, т.е. объектом нашего изучения были слова (или пары родственных слов), в которых данный семантический переход представлен – синхронно или диахронически. В основе семантической эволюции рассматриваемой лексики лежит либо метафора, либо семантический переход, опирающийся на компоненты прототипического сценария свободы.

Как известно, источник семантического развития слова позволяет выявить некую связанную с ним идею [Бабаева, 2006, с. 843], следовательно, наличие семантических переходов вида ‘X’ – ‘свобода’ свидетельствует о связи этих понятий в языковой картине мира. Термин «языковая картина мира» используется нами в том значении, в каком это принято в Московской семантической школе. Языковая картина мира – это «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, “дискурсивных слов”, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов» [Зализняк, 2006, с. 306–307]; языковая картина мира – это «отражение обиходных (обывательских, житейских, бытовых) представлений о мире» [Урысон, 2003, с. 11]. Материалом «для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка» [Основания..., 2006, с. 34].

Свобода – очень емкое, сложное и неоднозначное понятие, свобода не «представляет собою универсальный идеал всего человечества. На самом деле она даже не является общеевропейским идеалом, хотя в европейских странах есть семейство родственных концептов, сосредоточенных вокруг представления о том, что для людей хорошо иметь возможность делать то, что они хотят» [Вежицкая, 2001, с. 253]. Компонент ‘возможность делать то, что хочешь’ определяет смысл и русского слова *свобода*: «свобода: жен. слобода южн., зап., сев. свободъ вост., сев. своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле» [Даль]; см. также толкование рус. слова *свобода* у А. Вежицкой, в котором содержится компонент «если я хочу что-то сделать, я могу сделать это» [Вежицкая, 2001, с. 257]. В толковании А. Вежицкой русского слова *воля*, помимо вышеназванного компонента ‘если я хочу что-то

сделать, я могу сделать это', присутствует также «пространственный компонент»: «(с) если я хочу куда-то пойти, я могу пойти туда» [Вежбицкая, 2001, с. 257]. См. также в: [Бабаева, 2006, с. 822]: «Идея свободы по отношению к животным и людям реализуется, в частности, в представлении о движении. В подобных контекстах она подразумевает, что: а) существует нечто, что может ограничивать свободное движение или препятствовать свободному движению человека или животного; б) в данном случае движение человека или животного не встречает никаких ограничений или препятствий». Наше исследование касалось именно двух этих аспектов свободы – свободы как возможности делать то, что хочешь, и свободы как отсутствия ограничений, накладываемых на движение человека.

Изучение семантической деривации слов, относящихся к концептам СВОБОДА / НЕСВОБОДА, показало, что в картине мира некоторых языков имеют место следующие связи:

- свобода → благоприятная ситуация;
- отсутствие свободы → негативная / опасная ситуация (→ страх);
- свобода → смелость (отсутствие страха);
- отсутствие свободы → страх.

I. Свобода как отсутствие ограничений, накладываемых на движения субъекта

«Несвобода», проявляющаяся в стесненности движений человека, может быть обусловлена разными причинами:

1. Несвобода может определяться характером среды, в которой находится человек. Вязкая среда затрудняет движения субъекта, накладывая тем самым ограничения на движения человека, а следовательно, ограничивая его свободу. В языковом сознании нахождение в вязкой среде может ассоциироваться с нахождением в трудной ситуации, в частности с пребыванием в состоянии нужды, бедности. Это лежит в основе полисемии вида: 'вязкий' / 'густой' – 'нужда' / 'негативная ситуация'.

А. Семантический переход: 'вязкий' / 'густой' – 'нужда'

Метафора: БЕДНОСТЬ – ЭТО ГУСТОЕ / ВЯЗКОЕ ВЕЩЕСТВО

(а) франц. *purée* – 'пюре' в конструкции с предлогом *dans* (*être, mettre dans la purée*) имеет значение 'нужда, безденежье', ≈ 'сидеть без гроша; оставить без гроша' [RC, p. 675]¹; (б) франц.

¹ Здесь и далее переводы мои. – Е. И.

panade – ‘хлебная похлебка’ и ‘нужда, нищета; несчастье, беда, горе’ [ФРФС, с. 783].

Указанная полисемия характерна не только для трофонимов. Так, например, французское существительное *poisse* имеет значения ‘мягкое, клейкое, вязкое вещество’ и ‘нужда, бедность’ [TR], (см. также: [Иоанесян, 2018, с. 15–16]).

Б. Семантический переход: ‘вязкий’ / ‘густой’ – ‘негативная ситуация’

Этот более общий переход проявлен в полисемии таких французских трофонимов, как *marmelade* – ‘мармелад; пюре’ и ‘трудное положение’ [TR], *mélasse* – ‘меласса; патока’ и ‘трудное, безвыходное положение’ [PR, p. 1065], *potage* – ‘суп’, *être dans le potage* – ‘быть в отчаянном положении’ [ГрГр, с. 483] и др. В качестве источника указанного перехода выступают также слова, обозначающие объекты, онтологические свойства которых, а именно вязкость, сближают их с продуктами питания. Например, *goudron* – ‘деготь, смола’, *être dans le plein goudron* – ‘быть в трудном положении’ [ГрГр, с. 304], *gâchis* – ‘штукатурка; месиво’, *être dans le (en plein) gâchis* – ‘быть в трудной, запутанной ситуации’ [RC, p. 397] и др.

Нахождение в вязкой среде в языковом сознании связывается также с нахождением в опасной ситуации. Это объясняет полисемию вида: ‘вязкий’ – ‘опасный’ и ‘вязкий’ – ‘страх’.

В. Семантический переход: ‘вязкий’ – ‘опасный’ и ‘вязкий’ – ‘страх’

Примером полисемии ‘вязкий’ – ‘опасный’ служит английское прилагательное *sticky*, выступающее в следующих значениях: 1) клейкий, липкий; вязкий (*sticky syrup, black sticky mud*); 2) трудный, опасный: «dangerous or harmful; a sticky situation is difficult or dangerous» [MD]; «sticky (adj.) 1727, “adhesive,” from STICK (Cf. stick) (v.). An O.E. word for this was *clibbor*. First recorded 1864 in the sense of “sentimental;”, 1915 with the meaning “difficult”» [OED] «*There were a few sticky moments during the meeting, but everything turned out all right in the end*» [CAD], «Во время митинга возникло несколько опасных моментов, но в конце концов все закончилось хорошо».

Примером перехода ‘вязкое вещество’ – ‘страх’ является испанское существительное *cerote*, имеющее значения ‘сапожный вар’ и разг. ‘боязнь, страх’ [ИСПС, с. 188]: «1. m. Mezcla de pez y cera, o de pez y aceite, que usan los zapateros para encerar los hilos con que cosen el calzado. 2. m. coloq. miedo (angustia por un riesgo)» [DRAE].

2. Несвобода может быть обусловлена ограниченностью пространства, в котором находится человек. Тесное пространство, ограничивая возможности движений, является одной из причин потери человеком свободы. Исходное значение русского глагола *притеснять* – «прижимать, придавить; припирать, не давая простору. *Неприятеля притеснили к реке, к болоту*» [Даль]. В современном употреблении глагол означает «ограничивать чьи-либо свободу, права, стеснять кого-либо в поступках, действиях» [Ефремова].

Иными словами, тесное пространство может восприниматься как несвобода и ассоциироваться с трудной или опасной ситуацией, а следовательно, и со страхом. В языке это находит отражение в полисемии или морфологической деривации вида **‘тесный’ / ‘узкий’ – ‘тяжелый’ / ‘трудный’** или **‘тесный’ / ‘узкий’ – ‘опасный’ / ‘страх’**. Например: **(а)** у рус. слова *теснота* в словарях отмечается устаревшее значение ‘трудное, бедственное положение; нужда’ [Ефремова], «бѣда, напасть, угнѣтеніе» [САР 6, с. 364]; **(б)** *тѣснота* (церковнослав.): «сущ. (греч. στενωχῆρια) – притеснение, огорчение; беда; затруднение, тесные обстоятельства; (στένωσις) затруднение, недоумение» [Дьяченко, с. 744]; **(в)** лат. *angustia*: 1) теснота, узость; 4) стесненное (материальное) положение, бедность, скудость, нужда, недостаток [ЛРС, с. 73]; ит. *angustia*: «[dal lat. *angustia*, der. di *angustus* “stretto”; cfr. *angoscia*]. – 1. letter. *Strettezza* [stret:ets:a], *ristrettezza*: *a. di luogo, di spazio, di tempo*. Anche fig., *scarsezza, penuria*» [VT]; франц. *angoisse* и нем. *Angst* (оба от лат. *angustia*) развили значение ‘страх’: «Широко распространенным является обозначение страха и некоторых других эмоций через метафору тесноты, сжатия, ср., например, франц. *angoisse* и нем. *Angst* из лат. *angustia* ‘теснота’» [Зализняк, 2006, с. 64]; **(г)** латинское прилагательное *artus* имело значения ‘узкий, тесный’ и ‘неблагоприятный, трудный’ [ЛРС, с. 99], «~ *res Flor. situation critique, difficile*» [DLFQ]; существительное *artum* – «теснота, узость, тж. узкое место, *res est in arto* L – дело складывается неблагоприятно; *in artum compulsus* L – поставленный в тяжелое положение, доведенный до крайности» [ЛРС, с. 99], «*espace étroit, lieu resserré; in arto esse: être dans une situation critique*» [JWH]; **(д)** англ. *strait* означает ‘тесный; узкий’; существительное *strait* имеет значения: ‘(узкий) пролив’; ‘узкий проход’; ‘затруднительное положение; стесненные обстоятельства, нужда’ [НБАРС; АНД и др.]; **(е)** др. англ. *nearu* (современное *narrow*) имело значение ‘узкий, тесный’ и ‘тяжелый, трудный’, а существительное *nearu*

имело значение ‘опасность’, ‘бедственное положение’: «Narrow (adj). Old English nearu “narrow, constricted, limited; petty; causing difficulty, oppressive; strict, severe”»; «Narrow, n. c. 1200, nearewe “narrow part, place, or thing”, from narrow (adj.). Old English nearu (n.) meant “danger, distress, difficulty”, also “prison, hiding place”» [OED]; **(ж)** порт. *acanhado* означает ‘трусливый’ и ‘тесный (о пространстве)’: «1. Que não tem desembaraço, que é ou se mostra ou se torna tímido, retraído; 2. De dimensões reduzidas, pouco espaçoso (quarto acanhado); 3. P. ext. Sem muito espaço livre; APERTADO: Até que a cabine não era pequena, mas com tanta gente ficou acanhada» [DCA].

Пространство может стать тесным или узким в результате внешнего давления, сжатия. В испанском языке отмечена полисемия ‘давить’ / ‘сжимать’ – ‘негативная’ / ‘опасная ситуация’ – ‘страх’. Например: **(а)** существительное *aprieto*, образованное от глагола *apretar* – ‘сжимать; сдавливать’, имеет значения ‘опасность, риск’ и ‘бедность, нужда; стесненное положение’ [ИСРС, с. 83; NDF]. Прилагательное *apretado*, образованное от того же глагола, имеет значения ‘тесный, сжатый’ и ‘трудный; опасный’ [ИСРС, с. 83; NDF]. В устной речи указанное прилагательное используется также в значении ‘малодушный’, ‘трусливый’ [ИСРС, с. 83]. Следовательно, здесь наличествует семантический переход: ‘тесный’/‘узкий’ – ‘опасный’/‘страх’; **(б)** аналогичная полисемия наблюдается у испанского прилагательного *estrecho* и образованного от него существительного *estrechez*. *Estrecho* происходит от лат. *strictus*: 1) причастия от глагола *stringere* – «сжимать (pedes vinculis O); затягивать (nodum L); стягивать (strictum frigore vulnus L)»; 2) прилагательного – «узкий; тесный» [ЛРС, с. 957]. Существительное *estrechez* имеет значения ‘узость; теснота’ и ‘нужда, стесненные обстоятельства’ [ИРСС, с. 354]: «Escasez de anchura de algo. Austeridad de vida, falta de lo necesario para subsistir» [DRAE]. Прилагательное *estrecho* имеет значение ‘стесненный, сжатый’: «стесненный; сжатый: *estamos estrechos aquí* – нам здесь тесно» [ИРСС, с. 354]; кроме того, оно используется в значении ‘застенчивый; робкий’ [ИРСС, там же], «Arosado» [DRAE]; таким образом, здесь имеет место полисемия ‘тесный’ – ‘страх’; **(в)** франц. *étroit* (тоже от лат. *strictus*) – ‘узкий, тесный’, *à l’étroit* – ‘в тесноте’, «*nous sommes logés à l’étroit* – мы живем тесно <в тесноте>, нам тесно [в квартире]» [ГТ, с. 414], и ‘быть в стесненных обстоятельствах, терпеть нужду’ [ФРФС, с. 433]; **(г)** англ. *to jam* означает ‘сжимать, сдавливать, стискивать’ [НБАРС]. Причем в толкованиях отмечается именно аспект ограничения свободы движений

объекта в результате описываемого действия: «to press, squeeze, or wedge tightly between bodies or surfaces, so that motion or extrication is made difficult or impossible: *The ship was jammed between two rocks*» [RHU] (выделено нами. – Е. И.). Отглагольное существительное *jam* имеет значения: 1) ‘сжатие, сжимание; сдавливание’; 2) ‘тяжелое положение’: *to be in a jam* – попасть в переделку; *to pull smb. out of a jam* – выручить кого-л. из беды [НБАРС], «a difficult or embarrassing situation; fix: *He got himself into a jam with his boss*» [RHU].

Отметим, что в полисемии данного английского глагола мы усматриваем переход ‘отсутствие свободы’ → ‘неприятная ситуация’, а не переход ‘густое, вязкое вещество’ → ‘неприятная ситуация’, который теоретически мог бы иметь место (см. выше), поскольку: существует также слово *jam* со значением ‘джем’. Однако слово *jam* со значениями ‘сжимание’ и ‘неприятная ситуация’ и слово *jam* со значением ‘джем’ обычно рассматриваются как омонимы, или же иногда высказывается предположение, что *jam* – ‘джем’ является производным от глагола *to jam* в значении ‘сжимать’: «“fruit preserve,” 1730 s, probably a special use of *jam* (v.) “press objects close together,” hence “crush fruit into a preserve”» [OED].

3. В-третьих, несвобода может быть связана с насильственным лишением подвижности частей тела человека или насильственным удержанием человека в каком-нибудь месте. Так, связывание человеку рук или ног тоже означает ограничение свободы его движений и действий, и во многих языках предикаты со значением ‘связывать’ используются для описания положения бессилия человека в той или иной ситуации, отсутствия у него свободы действий, ср. рус. *у меня руки связаны, связать кого-л. по рукам и по ногам* и т.п. Несвобода, обусловленная подобного рода ограничениями, может осмысляться как трудное или опасное положение и порождать страх: (а) испанский глагол *manear* – ‘стреножить лошадь’; прономинальный глагол *manearse* в Чили выступает в значениях ‘связывать себе руки’ и ‘запутываться, оказываться в затруднительном положении’ [ИСРС, с. 488; БИРСЛА, с. 504]; (б) испанское прилагательное *atado*, образованное от причастия глагола *atar* – ‘связывать, привязывать’ (что означает лишение свободы движения), имеет значение ‘робкий’ [ИСРС, с. 99; ИРСС], «Del part. de *atar*. adj. desus. Dicho de una persona: Que se ароса por cualquier cosa» [DRAE], ≈ ‘о человеке, испытывающем страх по любому поводу’.

Существуют и другие способы ограничения свободы движений человека – надеть ему на ноги колодки, поймать его в капкан, запереть в каком-либо месте и т.п. Например: **(а)** испанское существительное *brete*, происходящее от окситанского *bret* – ‘ловушка для ловли птиц’ [DCD], в современном языке имеет значения ‘ножные колодки’ и ‘трудное, безвыходное положение’ [ИСРС, с. 135; DRAE; и др.]; **(б)** еще один пример связи между невозможностью двигаться, осознаваемой как лишение свободы действий, и нахождением в тяжелой ситуации представлен испанским глаголом *apestillar*; исходное значение глагола – ‘запирать на засов’. В Латинской Америке он используется в значении ‘крепко схватить кого-л., лишив его возможности убежать’: «Origen: Argentina. Atrapar (una persona) [a otra persona] de modo que no pueda escaparse» [GCD]. В Аргентине он функционирует также в значении ‘поставить в безвыходное положение’ [БИРСЛА, с. 59], ‘заставить человека что-л. делать или говорить’: «Apremiar a una persona para que diga o haga algo» [DLE]; **(в)** испанский глагол *acorralar* имеет следующие значения: 1) ‘загонять скот в загон’, «Encerrar o meter el ganado en el corral» [DRAE]; 2) ‘сделать так, чтобы человек или животное оказались в месте, из которого они не могут уйти’: «Encerrar a alguien dentro de estrechos límites, impidiéndole que pueda escapar» [DRAE], «Encerrar dentro de unos límites, impidiendo la salida: *La policía ha acorralado al ladrón en un piso del edificio*» [DCD]; 3) ‘ставить человека в ситуацию, когда он оказывается во власти другого человека’: ‘загонять в угол, припирать к стенке кого-либо’ [ИСРС, с. 27]; 4) ‘пугать’ [ИСРС, там же]: «Intimidar, acobardar» [DRAE]; таким образом, здесь представлена следующая цепочка: ‘отсутствие свободы движений’ → ‘отсутствие свободы’ → (‘бессилие / отсутствие контроля над ситуацией’) → ‘страх’.

II. Свобода как возможность человека делать то, что он хочет

Латинское слово *libertas* – ‘свобода’, «исходно обозначает статус ‘liber’, т.е. статус лица, не являющегося рабом», и оно подразумевает «отрицание ограничений, налагаемых рабством» (Wirszubski Ch.) (цит. по: [Вежбицкая, 2001, с. 212]). В толковании латинского слова *libertas*, предложенного А. Вежбицкой, сохраняются компоненты ‘когда я нечто делаю, я это делаю, потому что я этого хочу’ и ‘я не должен думать: «я не могу нечто делать, потому что кто-то другой не хочет, чтобы я это делал»’ [там же, с. 256]. Эти компоненты «показывают, что человек является собственным хозяином и не находится под чьим-либо контролем, как

раб» [Вежбицкая, 2001, с. 215]. Рабство же есть крайняя степень несвободы. Рабство ассоциируется с бесправием, с невозможностью проявлять свою волю, с представлением об отсутствии у человека контроля над обстоятельствами, о неконтролируемости, о том, что течение событий неподвластно субъекту, не зависит от его воли. А это прямой путь к страху: «Интенсивный страх переживается как чувство абсолютной незащищенности и неуверенности в собственной безопасности. У человека возникает ощущение, что ситуация выходит из-под его контроля» [Изард, 1999].

Ассоциативная связь рабства, а также других видов несвободы (подчиненного положения, зависимости и т.п.) со страхом, отражена в семантической деривации слов разных языков: **(а)** рус. *робеть* и *робкий*: «робеть. От роб “раб, невольник” (Мі. EW 225)» [ФЭ, Т. 3, с. 487]; **(б)** английский глагол *to daunt* имеет в современном языке значение ‘запугивать, устрашать’; исходным значением глагола *to daunt* был смысл ‘победить, покорить’; в конце XV в. у него зафиксировано значение ‘пугать’: «с. 1300, “to vanquish”, from Old French *danter*, from Latin *domitare* (‘укрощать, усмирять’ – ЕИ), frequentative of *domare* “to tame” (see tame (v.)). Sense of “to intimidate” is from late 15 с.» [OED]; укротить, подчинить означает лишить воли, свободы в принятии решений, возможности изменить ситуацию; **(в)** испанское прилагательное *cohibido*, образованное от глагола *cohibir*, восходящего к латинскому глаголу *cohibere* – ‘укрощать, смирять, подавлять’, имеет значение ‘робкий, пугливый’: «(Del part. de *cohibir*). adj. *Tímido, amedrentado*» [DRAE]; **(г)** в мексиканском варианте испанского языка глагол *azorrillar* означает ‘подчинять своей воле; принуждать силой’, а в прономинальной форме он имеет значение ‘трусить’ [БИРСЛА, с. 92]; **(д)** у испанского глагола *padrotear* (Венесуэла) словари фиксируют значения ‘подчинять своей воле’ и ‘запугивать’ [БИРСЛА, с. 559]; **(е)** итальянское существительное *soggezione* имеет значения ‘подчинение, подчиненность, зависимость’ и ‘робость’ [ИРС, с. 813]: «[dal lat. *subiectio* -onis, der. di *subicĕre* “assoggettare” (v. *soggetto*1)]. 1. L’essere soggetto, lo stato e la condizione di chi è soggetto. 2. Senso d’imbarazzo e di timidezza che si prova di fronte a persone importanti o notevoli per la loro posizione e il loro valore, o in ambienti nuovi, lussuosi, grandiosi e solenni: *dare, ispirare s.; provare, sentire s.; avere s. a fare una cosa; mettere in s., intimorire; mettersi in s., avere s. di qualcuno o di qualcosa, sentirsene intimorito*» [VT]. Глагол *insoggettire* имел значение ‘подчинять, покорять’; в настоящее время у него отмечается значение ‘пугать’; *insoggettirsi* – ‘пугаться; сму-

щаться' [ИРС, с. 435]: «A. V tr. 1. raro Mettere in soggezione; SIN. intimorire; 2. ant. Assoggettare, soggiogare; B. v.intr. pronom. insoggettarsi. raro. Intimorirsi, entrare in soggezione» [GDH].

Следует отметить, что в значении некоторых слов, например русских *арестованный*, *пленный*, наличествует и «пространственная несвобода», и «несвобода действий». Очевидно, что человек, находящийся в заключении, в плену ограничен и в движениях, и в действиях. У подобных слов тоже наблюдается семантический переход к значению 'страх': **(а)** испанское прилагательное *detenido*, образованное от причастия глагола *detener* – 'останавливать; задерживать; арестовывать' [ИРС, с. 294], имеет значения 'арестованный; заключенный' и 'малодушный, трусливый' [там же]; **(б)** английское прилагательное *caitiff* – 'трусливый, малодушный', образовано от старо-французского *caitive* – 'пленный; лишенный свободы', которое восходит к лат. *captivus* [OED; OUD, p. 247].

Одним из аспектов несвободы является, как уже упоминалось, невозможность контролировать ход событий, что часто ассоциируется с возможностью негативного сценария, с опасностью. Связь между несвободой, зависимостью человека от другого лица и опасностью отражена, например, в семантическом развитии французского слова *danger*. [PR, p. 401]: «Dangier “état de celui qui est à la merci de quelqu'un”, XII; lat. pop. **dominarium* “pouvoir de dominer”, de dominus “maître”» [BW, p. 177]: «Lat. pop **dominārium* “pouvoir”, dér. de *dominus* “seigneur”. La forme première *dongier* a disparu de bonne heure devant *dangier*, altéré d'après *dam* “dommage”. A signifié d'abord “pouvoir, domination”, d'où, d' une part, “refus, difficulté” et, de l'autre, “péril” dans des locutions telles que *estre en dangier* “être au pouvoir (de qn)” dès le XIII s., sens qui a éliminé en fr., vers le XVI s., les autres sens, dont il reste quelques traces dans les patois. Seulement fr.; d'où l'angl. *danger*»; «Étymol. et Hist. 1160 “domination, empire” *estre en dangier d'aucun* “être à la merci de quelqu'un” (*Enéas*, éd. Salverda de Grave, 8654); 1340 *estre en dangier* “être en péril” (*Hugues Capet*, éd. de la Grange, 1566)» [TR].

Другой фактор, лишаящий человека способности контролировать ситуацию, т.е. делающий его несвободным, это его физическая и / или моральная слабость. Слабость ассоциируется с трусостью, сила – с мужеством, смелостью. Это отражено в языке в виде полисемии, 'сильный' – 'смелый', 'слабый' – 'трусливый'. Например: **(а)** лат. *infirmus* ('бессильный, слабосильный' – 'трусливый, малодушный'; *pusillanime, timoré*) [ЛРС, с. 522; DLF; JWH]; **(б)** *fortis* ('крепкий, сильный' – 'отважный, смелый, храбрый,

мужественный'; ferme, inébranlable, brave, courageux; audacieux) [ЛРС, с. 437; NDL]; *fortitudo* ('крепость, сила' – 'храбрость, неустрашимость отвага'; courage, bravoure, vaillance [ЛРС, с. 437; DLF]). **(в)** англ. *to dismay* ('лишать мужества; пугать') восходит к **exmagare* (Vulgar Latin) – 'лишать силы'; **(г)** франц. *vallant* ('храбрый, мужественный, доблестный'), англ. *valiant* ('храбрый'), исп. *valentia* ('храбрость, мужество; отвага'), *valiente* ('храбрый, отважный'), *envalentar / envalentonar* ('придавать смелости') – все эти слова восходят к латинскому *valere* – 'быть сильным'.

Малый рост ассоциируется со слабостью, это лежит в основе полисемии '**маленький**' – '**трусливый**', например: **(а)** лат. *parvus*: 'малый, маленький' – 'робкий, малодушный' [ЛРС, с. 729; NDL]; **(б)** исп. *apocar*: 1) уменьшать; 2) пугать ['уменьшать' → 'делать слабым / слабее' → 'пугать']; *apocarse* – 'трусить, малодушничать'; *apocado* – 'робкий'; у существительных *apocamiento* и *poquedad* в словарях отмечается значение 'малодушие, трусость' [ИСПС, с. 81, 607]; «Poquedad: Timidez, pusilanimidad y falta de espíritu» [DRAE]. «Apocamiento: Timidez, cortedad de ánimo: *Siempre ha tenido mucho apocamiento*» [GCD]. И наоборот, увеличение размера, роста ассоциируется со смелостью: испанский глагол *crecer* имеет значение 'расти, увеличиваться', а в прономинальной форме – значение 'осмелеть, расхрабриться' [ИСПС, с. 233; DRAE и др.] ['большой' → 'смелый'].

Таким образом, в картине мира *некоторых* языков положение человека, находящегося во власти другого или других людей и тем самым лишённого возможности влиять на ход событий, ассоциируется с опасностью и чувством страха. И, наоборот, свобода означает возможность держать ситуацию под контролем и, как следствие, отсутствие опасности и страха. Это отражено в полисемии следующих слов: **(а)** лат. *libertas*: 1) 'свобода, воля'; 5) 'прямота, бесстрашие, смелость' [ЛРС, с. 590]; «hardiesse, franc parler: Quint. 10, 1, 65; 10, 1, 94; 10, 1, 104» [DLF]; «boldness» [LSL]; **(б)** исп. *libertad* и *libertado*. *Libertad*: 1) 'свобода; воля'; 6) 'смелость, решимость'; *libertado*: 1) 'дерзкий, смелый'; 2) 'свободный, независимый' [ИСПС, с. 467]. Необходимо оговорить, что в некоторых словарях значение 'смелый' не отмечается. Поэтому сошлемся еще на один словарь. В статье прилагательного *libertado* в [DRAE] мы находим следующее толкование: «1. Osado, atrevido (оба прилагательных имеют значение 'смелый'); 2. Libre, sin sujeción»; **(в)** итальянское прилагательное *franco* сочетает значения 'свободный' (о человеке), 'смелый' и ≈ 'избежавший неприятной